

оглашать еще рано. Как-то у одного артиста спросили: «Как вы думаете, эту роль вы хорошо играете?» Он ответил, что еще не сыграл свои сто раз, чтобы давать оценку. С телевидением то же самое, оно еще само не знает, что в действительности собой представляет. Скажу больше: с кино еще не все понятно, потому что

пу. А ответа на вопрос, кто прав — лилипуты или Гулливер — не будет никогда. А может быть, на этот вопрос и не стоит отвечать... Хотя гулливеры всегда будут искать противоядие от нашествия нас, лилипутов.

— А кто тогда, получается, гулливеры?

— Пушкин, Моцарт, Сократ... Их очень мало, но они есть. Иногда мы их любим, иногда не очень, если честно. Это другие люди. Не боюсь признаться, что «Пророка» я читал миллион раз, но до сих

пор до конца не понимаю, что Пушкин хотел сказать этим стихотворением. С трудом верится, что человек это написал в тридцать два года, потому что для этого, на мой взгляд, нужно прожить пять-шесть жизней... Или Моцарт. Почему нас волнует его музыка? Не могу понять...

— А среди наших украинский народ не так давно тоже боролся за свой выбор. Как вы думаете, могут ли произойти подобные события в России?

— Не знаю. Я и на Украине в тот период не был. Известно только то, что рассказывали. А сколько нам из этого соврало, непонятно. Для того чтобы судить о предмете, как минимум надо знать предмет. Я не знаю предмета, а только получаю комментарии, часто безнравственные.

— А что вы считаете безнравственными комментариями?

— Вранье. Выступает один человек и говорит, что выборы прошли замечательно, а потом выясняется, что все было совсем не так. Хотя, честно, мне это совершенно неинтересно, потому что события на Украине — плохой театр, с плохой драматургией, с плохим режиссером, с ужасными артистами, даже худшими, чем в мексиканских сериалах.

— Какой статус вам ближе — актера или руководителя?

— Я считаю себя актером, даже клоуном.

— Вы часто себя называете клоуном. Не надоедает этот образ?

— Я очень люблю свою профессию и отношусь к ней, как к ребенку, а из этого следует желание понравиться, соблазнить, сделать хорошо, чтобы кто-то в зале засмеялся. Поэтому я говорю о клоуне. Шут — это гипердемократическое общение исключительно на «ты». В этой роли можно не бояться говорить правду.

— Достаточно много было разговоров о театральной реформе, которая могла просто «задушить» большинство бюджетных теат-

ров. Теперь ее отложили на год, якобы для доработок. Не кажется ли вам, что театральному сообществу просто дали время привыкнуть к ней, после чего ее все равно примут без изменений?

— Совершенно верно. И это очень плохо. Театр не надо трогать, как и роддом. В театре меньше всего авантюристов и обманщиков, здесь не приживаются грязные люди. Украсть, кроме грима, ничего нельзя. К сожалению, об изменениях в театре забываются не очень умные люди.

— Как вы думаете, какова цель этой реформы?

— Трудно сказать. Человек — разрушитель. Если лилипуты взяли власть, то они будут разрушать, причем нещадно. Поэтому очень важна роль духовных лидеров. Мы все равно мечтаем об умном и добром царе, надеясь, что он нас выведет к солнцу.

— Пока у нас такового нет?

— Не знаю. У меня нет уверенности, что наши руководители попали в хорошее время, потому что все разрушено, в том числе и связи. Как сказал Гамлет: «Распалась связь времен». Думаю, что им тоже не просто. Вижу это даже на крошечном примере своего театра. Человеческое сообщество — очень сложная вещь. Порой нас объединяют идеи, но мы не знаем наших физиологических желаний. Сколько людей пытались создать идеальное общество, а это почти невыполнимая задача. Должен быть сильный лидер, за которым мы должны следовать, иногда даже не понимая, куда он нас ведет. Иначе хаос. Хочется надеяться, что наши правители руководствуются добрыми намерениями.

— Вернемся к театральной реформе. Может ли случиться, что некоторые ее пункты будут способствовать возрождению цензуры в театре? Например, создание попечительских советов...

— Должен быть лидер. Если я лев, то зачем звать зайца, чтобы он давал какие-то указания? Помоему, попечительский совет — это карающая организация, которой быть не должно. Конечно, есть проблема совета, и я в своем коллективе советуюсь, если у меня есть сомнения. Помня все эти худсоветы, что были до перестройки, могу сказать, что хороший театр бывает только тогда, когда есть мощный лидер, такой, какими были Андрей Гончаров, Анатолий Эфрос, Георгий Товстоногов, какой есть Марк Захаров. Давно известно, кто спекулирует коллективным мышлением и совестью...

— Как вы думаете, отличается ли актерская школа молодого

поколения артистов от более старшего?

— Нет. Хотя говорят, что люди больше любят внуков, чем детей. То же самое и здесь. Я пятьдесят лет прожил в театре, по этой причине иначе отношусь к нему, не так, как молодой актер, потому что мне уже есть что терять.

— Некоторые считают, что старшее поколение актеров было талантливее...

— Нет. Разница только в более трогательном отношении к театру старшего поколения по сравнению с молодым.

— Могли бы вы нарисовать словесный портрет зрителя вашего театра?

— Такого портрета нет.

— Вы часто посещали театры в Америке. На чем держится театр в США, каков его статус?

— Не будем сравнивать. Например, в Америке есть понятие фондов, грантов, у нас только-только приживаются эти понятия... Это другие взаимоотношения. Наверное, можно попытаться взять у них какие-то важные вещи за основу, но очень осторожно, иначе мы только наденем «американские подтяжки», а все остальное будет не наше. Скажем, в США есть понятие волонтеров, которого у нас вообще не существует.

— Часто ли случается, что актер с годами работы на сцене обрастает штампами?

— Каждый артист — это отдельное явление: одни обрастают, другие — нет, а третьи — вообще сплошной штамп. Вывести общий портрет невозможно.

— Как-то вы говорили, что у актера нет ни вчера, ни завтра, есть только сегодня. Но ведь существуют фильмы и спектакли, которые смотрят много лет подряд разные поколения...

— Я видел самые древние часы в мире в городе Риме. Меня потрясла фраза, которая там была написана: «Сейчас больше, чем ты думаешь». В этой фразе заключается вся правда о нашем искусстве: когда закончился спектакль, он умер. Это участь любого живого искусства. Литературы и музыки это не касается.

— Байрон писал: «В жизни каждого человека бывают моменты, которые хочется пережить заново». Можете ли вы то же самое сказать о себе?

— Не знаю. Я еще живу, поэтому моя главная движущая сила — желание. Иногда я боюсь оглядываться, потому что надеюсь, что впереди меня ждет больше.

Беседу вела
Инна ШКАРБАНОВА.

ПЕРСОНА

Армен ДЖИГАРХАНИЯН:

Я прожил в театре 50 лет

Начало на 1-й стр.

— Тоже неверно. Жизнь показала, что касательно Беслана нас обманывали. Телевидение давало неверную информацию. Кстати, у нас есть приятель-осетин, который рассказывал, насколько наше знаменитое телевидение врало.

Думаю, мы не имели права нарушать интимность конфликта, куда мы безнравственно вторглись. Многие считают, что самый большой вред в подобных экстремальных ситуациях наносит именно телевидение. Некоторые, например, уверены, что несчастий могло бы быть меньше, если бы не ложная информация.

— Возможно, что телевизионщиков самих обманывали, расширяя заведомо ложные данные...

— Мне не нужно, чтобы меня учили. Например, перед симфоническим концертом обычно выступает музыковед и рассказывает, что своим произведением хотел сказать Моцарт. Я сам договарюсь с Моцартом, пойму, что он хочет сказать. Я против комментариев, и в том числе на телевидении. Думаю, что нам должны преподносить только факты. А то у нас получаются плохие конфеты в хорошей обертке.

— Получается, что на телевидении нет ни одного настоящего таланта?

— Почему? Наверное, есть. Но мы уже пришли к выводу, что телевидение — дело молодое, поэтому окончательный приговор ему

пока в большинстве случаев кино — это снятый на пленку театр.

— А можно ли, сыграв упомянутые вами сто ролей, со временем стать настоящим профессионалом?

— Конечно, есть техническая сторона, то есть навык, но ведь существует и одаренность. Это как деньги: или они есть, или их нет. А научиться можно, но, если быть строгим, то все-таки многое зависит от дара. Однако существует одна распространенная опасность: мы можем принять средний уровень за норму. На мой взгляд, одна из самых гениальных басен — «Лиса и виноград», и мы все живем по этому принци-

современников есть хотя бы намек на их уровень?

— Об этом могут судить те, кто будет после нас. Не стоит сегодня брать на себя смелость говорить, что Высоцкий — это наш Пушкин. Думаю, лучше подождать лет сто.

— Наверное, для многих поколений и Пушкин, и Высоцкий были, каждый по-своему, кумирами. А как вы думаете, с чем связано, что сегодня во многих фильмах — «Дети Арбата», «Московская сага» — тема культовая личности является одной из основных? Образ Сталина, тридцатые — сороковые годы...

— Лидер или хозяин — это тоже культ личности. Все зависит, как к